

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК [94+902] (3) [652]

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ГОРОДИЩА САИРХЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ КОЛХИДЫ И АХЕМЕНИДСКОГО ИРАНА

Т. Ю. Шашлова

Саратовский государственный университет
E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

В данной работе к исследованию взаимоотношений Колхиды и ахеменидского Ирана привлекаются материалы из городища Саирхе – самой восточной точки древней Колхиды. В результате археологического изучения памятника были найдены предметы торевтики и ювелирные изделия, свидетельствующие о существовании культурных и дипломатических контактов этих территорий с ахеменидским миром. Найденные же при исследовании городища архитектурные остатки могут проливать свет и на политический статус Колхиды в составе Персидской империи.

Ключевые слова: Саирхе, Колхида, ахеменидский Иран, торевтика, ювелирные изделия.

Artifacts from the Sairhe Settlement in the Context of the Relationship Between Colchis and Achaemenid Iran

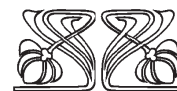
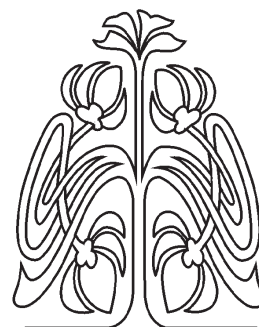
T. Yu. Shashlova

In this paper, the study of the relationship between Colchis and Achaemenid Iran involved materials from settlement Sairkhe – the easternmost part of the ancient Colchis. As a result of archaeological study of the monument were found toreutics items and jewelry, indicating the existence of cultural and diplomatic contacts with the Achaemenid world. The architectural remains also found in this settlement may shed light on the political status of Colchis as a part of the Persian Empire.

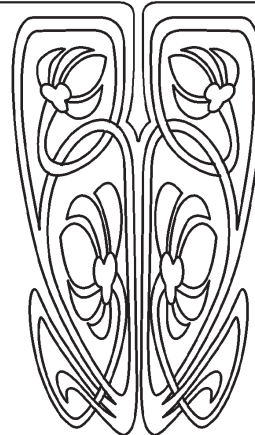
Key words: Sairkhe, Colchis, Achaemenid Iran, toreutics, jewelry.

Городище Саирхе расположено в 200 км от берега моря и в древности было самой восточной точкой Колхиды. Археологическое изучение памятника проводилось в 1960–1980-е гг. По результатам исследований на грузинском языке вышла монография Д. Ш. Надирадзе. На русском языке доступен автореферат докторской диссертации, послужившей основой для этой книги¹. В ходе проведенных исследований был получен материал, свидетельствующий о контактах этих территорий с ахеменидским миром.

Реконструкция взаимоотношений Колхиды и ахеменидского Ирана практически целиком строится на археологическом материале. Как и Вани, Саирхе был центром одной из колхидских скептухий. Однако, в отличие от Вани, материалы из которого часто привлекаются к изучению колхо-персидских отношений, памятникам из Саирхе в этом смысле уделено значительно меньше внимания. Исследователи обычно просто указывают на наличие связей этих территорий с ахеменидским миром. Некоторые предметы из Саирхе упоминаются в общих работах, посвященных вопросам взаимоотношений Колхиды и ахеменидского Ирана. Так, Ф. Кнаусс и Ю. Воронов упоминают об архитектурных остатках из этого городища, имеющих прототипы в персидской дворцовой архитектуре². Отдельные памятники материальной культуры, в которых также прослеживается персидское влияние (предметы торевтики и ювелирные украшения), приводятся рядом авторов, изучавших

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

вопросы колхо-персидских взаимоотношений³. Наличие связей Саирхе с восточным миром отмечает и один из главных исследователей этого памятника Д. Ш. Надирадзе. Некоторые предметы из Саирхе, имеющие отношение к ахеменидскому миру, рассматриваются и в ряде работ, не посвященных специально вопросу о колхо-персидских взаимоотношениях⁴.

Предметы персидского импорта в Саирхе не столь многочисленны, как в Вани, однако полученный материал представляется весьма интересным. Первые находки изделий ахеменидского стиля встречаются уже в погребениях первой половины V в. до н. э. Из богатого погребения № 13, принадлежавшего представителю местной знати, происходят золотая пластина и серебряный кубок со сценой нападения льва на быка, а также несколько серебряных фиал⁵.

Серебряный кубок относится к довольно редким изделиям, на которых изображены процессии идущих животных. Практически идентичный сосуд происходит из Уляпского кургана № 1. Схожие по форме кубки также были найдены в Вани и в составе клада Ахалгори, на севере Грузии. Для этих сосудов характерно наличие четко очерченного кольца, иногда с каннелюрами, в месте соединения тела сосуда с горлом. Такая форма, скорее всего, была заимствована из тореваики Малой Азии, поскольку аналогичные изделия известны только на территории Лидии (Сарды, Икизтепе), а также в составе клада ахеменидских сосудов, найденного в 1970-х гг. близ Синопы⁶.

Изображенная на сосуде и золотой пластине сцена терзания львом быка имеет восточное происхождение. Она известна еще из ассирийского искусства и широко использовалась в ахеменидском Иране. На востоке она имела религиозное значение. Впоследствии этот художественный мотив широко распространяется в античном мире. При этом он теряет свой первоначальный сакральный смысл и выполняет уже чисто декоративную функцию. Аналогичный сюжет представлен и на золотой диадеме из Вани. Одноипность ахеменидского искусства подчас делает невозможным определить место производства изделия, однако некоторые особенности изображения тел животных на кубке из Саирхе позволяют предположить, что этот сосуд был сделан в Колхиде⁷.

Три серебряные фиалы также происходят из этого погребения. Фиалы ахеменидского стиля были широко распространены в античном мире. Они встречаются как на территории Персидской империи (Сузы, Персеполь, Малая Азия, Армения), так и на землях, не входивших в состав державы (Фракия, Македония) и даже весьма отдаленных от нее (Италия и Сицилия)⁸. Ахеменидские серебряные фиалы были широко распространены и на Кавказе. Они были найдены в погребениях в Вани, Итхвиси, в составе нескольких кладов, а также на восточном берегу Понта (в некрополях Пичвнари и Ахул-Абаа, в

окрестностях Диоскуриады). Многочисленность находок фиал подобного типа дала исследователям основание предполагать, что на Кавказе находились местные центры по их производству.

В Саирхе была найдена также и стеклянная фиала середины V в. до н. э. Она происходит с «культовой площадки» и, скорее всего, была одним из ритуальных подношений⁹. Стеклянная посуда в Персидской империи считалась дорогим и статусным предметом. Наряду с сосудами из золота она использовалась знатью, а также в дворцовом церемониале персидского царя (Arist., Ach. 72–73). Аналогичные стеклянные фиалы были найдены на территории Восточной Грузии (в инвентаре богатого погребения могильника Алгети)¹⁰, на Северном Кавказе и в Эфесе¹¹.

Из склепа № 8 могильника Саирхе происходит и золотой браслет с вогнутой спинкой¹². По составу инвентаря склеп датируется первой половиной IV в. до н. э.¹³ Окончания браслета выполнены в виде скульптурных головок барана. Браслет отличается высоким качеством исполнения, реалистичностью изображения. Аналогичные браслеты происходят из богатого погребения в Вани (т. н. «погребение знатной колхидянки»). Правда, окончания браслетов из Вани сделаны в виде головок льва, быка и газели¹⁴. Подобные украшения известны и из других регионов: из Суз, Персеполя, с о. Кипр.

Браслеты с зооморфными окончаниями были весьма популярными в античном мире. На территорию Грузии они проникают в V в. до н. э. и бытуют довольно длительный период времени – вплоть до II в. до н. э.¹⁵ Эти браслеты выполнялись из различных металлов (серебра, бронзы, железа), однако наиболее распространены были браслеты из бронзы и железа. Прогнутая спинка в качестве детали декора также появляется в V в. до н. э., но выходит из употребления значительно раньше – в начале IV в. до н. э.¹⁶

Браслеты из Вани и Саирхе отличаются от других зооморфных браслетов, найденных на территории Грузии. Они сделаны из золота и для них характерно высокое качество исполнения, реалистичность изображения животных. Браслеты выполнены в лучших канонах так называемого ахеменидского дворцового стиля и, по единодушному мнению ученых, были произведением одной из центральных мастерских державы¹⁷. Массивные золотые украшения, к которым относятся и указанные браслеты, являлись статусными предметами и вряд ли могли быть объектом торговли¹⁸. Более вероятен другой путь их попадания в среду колхидской знати: они могли быть дипломатическими дарами. Ксенофонт в «Анабасисе» упоминает, что золотые браслеты относились к числу наиболее ценных даров персидского царя (Xen. Anab. I, II, 27).

Другая любопытная находка также происходит из склепа № 8 – это золотые подвески (или медальоны) с изображением Ахура-Мазды. Под-

вески относятся к середине IV в. до н. э. Они были найдены в конском захоронении и использовались в качестве украшения конской сбруи¹⁹.

Находка подобных подвесок представляется весьма интересной. В литературе было высказано мнение, что эти медальоны были дарами персидского царя²⁰. Однако более вероятно, что они являются свидетельством проникновения иранских верований в восточные области Колхиды. Особая роль огня в погребальных ритуалах в Саирхе, отмечаемая многими исследователями²¹, также может служить дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения.

Изображение Ахура-Мазды, или крылатого ангела, на подвесках из Саирхе отличается от тех изображений, которые мы знаем в каноническом персидском искусстве (на цилиндрических печатях и рельефах из Персеполя). Оно выглядит более грубым и схематичным. Вместо одной пары крыльев, которая обычно встречается в Персии, на подвесках из Саирхе изображены три пары крыльев. Отличия от канонического изображения Ахура-Мазды, некоторая грубость и схематичность изображения на подвесках может быть косвенным аргументом в пользу местного их изготовления.

В соседней с Колхидой кавказской Иберии иранские верования ощущаются гораздо более сильно. Там были найдены алтари огня²², предметы, предположительно связанные с культом Митры²³, а также квадратное сооружение, похожее по своему плану на Каабу Зороастра в Накше и Рустаме²⁴. Верховное божество возникшего в III в. до н. э. Иберийского царства представляет собой не что иное, как местное воплощение Ахура-Мазды²⁵. В эти территории, т. е. в восточную Грузию, иранские верования проникают в конце V–IV вв. до н. э. Вполне возможно, что в какой-то момент они достигают и восточных областей Колхиды.

Все эти ювелирные изделия и предметы тореvтики отражают определенные контакты восточной Колхиды с ахеменидским миром. Однако что представляли собою эти контакты? В современной историографии мнения исследователей на этот счет разделились. Одни ученые рассматривают предметы ахеменидского стиля в Саирхе как результат торговых связей с Ираном²⁶. Другие видят в них проявление культурных и религиозных контактов²⁷. Было высказано также мнение, что столовая посуда из драгоценных металлов и массивные ювелирные украшения являются дипломатическими дарами, которые персидские правители преподносили местной колхидской элите²⁸. Наконец, еще одна группа ученых считает возможным на основании находок ахеменидских предметов в Саирхе говорить о политической включенности Колхиды в персидскую державу²⁹.

По нашему мнению, одних только предметов материальной культуры для признания политической зависимости Колхиды от ахеменидского Ирана недостаточно. Более показательны в этом

отношении архитектурные остатки из Саирхе, о которых речь пойдет ниже.

Предметы ахеменидского стиля в Саирхе вряд ли могли быть и объектом торговли, поскольку посуда из драгоценных металлов, а также высококачественные ювелирные изделия считались статусными предметами. Более вероятно, что подобные находки являются отражением дипломатических контактов восточных областей Колхиды с ахеменидским миром.

Согласно данным античной нарративной традиции, обмен дарами широко использовался в Персидской империи как средство установления дипломатических связей (Herod. III. 20–21, VII. 116; Xen. Anab. I. 2. 27). Различного рода дары преподносились за какие-либо услуги, а также в знак особого благорасположения персидского царя или его чиновников. В отношении Колхиды мы можем предполагать существование дипломатических контактов не только с персидским центром, но и с местными сатрапами Малой Азии и Закавказья.

Культурные связи с ахеменидским миром выразились в заимствовании в местной тореvтике и ювелирном деле популярного в персидском искусстве сюжета – сцены нападения льва на быка. Изготовление местными мастерами изделий с этим сюжетом свидетельствует о существовании спроса на подобную продукцию у колхидской элиты. Другим проявлением подобных контактов является распространение иранских верований на восточные области Колхиды. Этот род влияний, вероятно, происходил через посредство соседних с Колхидой иберийских областей.

Наличие на Кавказе местных центров по производству фиал ахеменидского типа также является свидетельством тесных связей между двумя регионами. Анализ стилистических особенностей этих фиал показывает, что данные художественные веяния распространялись, скорее всего, из Малой Азии³⁰. Наличие культурных, а возможно и торговых отношений с ахеменидским миром отражают и находки мелких ювелирных изделий, таких как золотая лунообразная серьга из погребения № 1. Подобные серьги признаются типичными образцами ахеменидского искусства³¹.

На политический статус Колхиды в составе Персидской империи определенный свет могут проливать архитектурные детали из Саирхе. Речь идет об остатках каменного храма, обнаруженного здесь в середине XX в.

Ф. Кнаусс в своей работе упоминает, что из Саирхе происходит капитель в виде двойной протомы льва характерного ахеменидского типа³². Ю. Воронов, помимо капители, указывает и на сохранившиеся массивные базы колонн, а также отмечает, что это было «огромное сооружение», украшенное «мощной колоннадой»³³. Базы колонн по своим пропорциям совершенно идентичны образцам, известным из Персеполя, и очень близки к ним по мощным пластичным очертаниям протомы³⁴.

Точки зрения исследователей на датировку этого здания расходятся. Капитель в виде двойной протомы льва западными исследователями датируется позднеахеменидским временем³⁵. Отечественные ученые датируют сохранившиеся капители и базы колонн либо рубежом V–IV вв. до н. э., либо вовсе концом VI–V вв.³⁶ Последняя, ранняя, датировка, основанная только на стилистическом сходстве баз колонн с материалами из Персеполя, представляется несколько сомнительной. Здание, копирующее персепольские образцы, вполне могло быть построено и в более позднее время, особенно учитывая тот факт, что для ахеменидского искусства и архитектуры всегда были характерны строгая каноничность и стандартизация форм.

По общепринятому мнению, эти архитектурные детали были остатками храма, посвященного местным богам плодородия³⁷. Такой вывод был сделан на основании находок там культовых предметов в форме мужских гениталий. Однако большие размеры здания, наличие колонных залов и большая схожесть сохранившихся баз колонн с материалами из Персеполя могут поставить под сомнение интерпретацию этого здания как храма. Не исключено, что оно могло быть и зданием официальным. Такое мнение выглядит более оправданным в свете недавних находок в Центральном Закавказье сразу двух ахеменидских дворцов³⁸.

К сожалению, сам план этого сооружения до сих пор не опубликован³⁹, а потому у нас нет возможности окончательно разрешить вопрос о том, к какому типу здания относились данные архитектурные остатки. Однако выяснение этого момента, как нам кажется, имеет ключевое значение в вопросе о политическом статусе Колхиды по отношению к Персидской империи.

Примечания

- 1 См.: *Надирадзе Д. Ш.* Саирхе – древнейший город Грузии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т истории и этнографии им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1991. URL: <http://cheloveknauka.com/v/20347/a/#?page=1> (дата обращения: 06.12.2014).
- 2 См.: *Knauss F.* Ancient Persia and the Caucasus // *Iranica Antiqua*. 2006. Vol. XLI. P. 92 ; *Воронов Ю. В.* Колхида в железном веке // *Научные труды : в 7 т. Т. 1.* Сухум, 2006. С. 99.
- 3 См.: *Брагвадзе З.* Иран при Ахеменидах и древняя Колхида // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями.* СПб., 2012. С. 380–384 ; *Воронов Ю. В.* Указ. соч. С. 95–100 ; *Bill A.* Achaemenids in the Caucasus? // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 15–28 и др.
- 4 См.: *Treister M. Yu.* The Toreutics of Colchis in the 5th–4th Centuries BC Local Traditions, Outside Influences, Innovations // *ACSS*. 2007. Vol. 13. P. 67–107 ; *Makharadze G., Saginashvili M.* An Achaemenian Glass Bowl from Sairkhe, Georgia // *JGS*. 1999. Vol. 41. P. 11–17.
- 5 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381–382. Рис. 1.
- 6 См.: *Treister M. Yu.* Op. cit. P. 75. Fig. 5.
- 7 *Ibid.* P. 81–83, 101.
- 8 См.: *Sideris A.* Achaemenid Toreutics in the Greek Periphery // *Ancient Greece and Ancient Iran. Cross-Cultural Encounters.* Athens, 2008. P. 339–353.
- 9 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381.
- 10 См.: *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // *СА*. 1952. Т. XVI. С. 211.
- 11 См.: *Makharadze G., Saginashvili M.* Op. cit. P. 16.
- 12 См.: *Гогоберидзе Н.* Браслеты и гривны Грузии. Тбилиси, 2003. С. 13.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 14.
- 15 Там же. С. 108.
- 16 Там же, С. 7.
- 17 См.: *Rehm E.* The Classification of Objects from the Black Sea Region Made or Influenced by the Achaemenids // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 169.
- 18 См.: *Трейстер М. Ю.* Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье. М. ; Бонн, 2012. С. 281.
- 19 См.: *Надирадзе Д. Ш.* Указ. соч. С. 16.
- 20 См.: *Bill A.* Op. cit. P. 24.
- 21 См.: *Надирадзе Д. Ш.* Указ. соч. С. 40 ; *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381.
- 22 См.: *Licheli V.* Caucasian Iberia and Achaemenids // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время.* Ростов н/Д, 2013. P. 116.
- 23 *Ibid.* P. 116–117.
- 24 См.: *Knauss F.* Op. cit. P. 89.
- 25 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381.
- 26 См.: *Надирадзе Д. Ш.* Указ. соч. С. 37.
- 27 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381–382.
- 28 См.: *Tsetsckhladze G. R.* Colchis and the Persian Empire : the problems of their Relationship // *Silk Road Art and Archaeology.* Tokyo, 1992. Vol. 3. P. 11–49.
- 29 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 92.
- 30 См.: *Knauss F.* «Medismos» in Kolchis // *Zurück zum Gegenstand. Festschrift für Andreas E. Furtwängler.* Langenweißbach, 2009. P. 297.
- 31 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381.
- 32 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 92.
- 33 *Воронов Ю. Н.* Указ. соч. С. 99.
- 34 Там же.
- 35 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 92.
- 36 См.: *Воронов Ю. Н.* Указ. соч. С. 99.
- 37 См.: *Лордкипанидзе Г.* Колхида в VI–II вв. до н. э. Тбилиси, 1978. С. 130–131.
- 38 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 89 ; *Knauss F., Gagoshidze I., Babaev I.* A Persian Propyleion in Azerbaijan. Excavations at Karakamirli // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 111–122.
- 39 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 92.